

А.И. Губарь

К концептуальным основам реформирования постсоциалистической экономики

Многолетний кризисный спад экономики России к 2001 г. сменился некоторыми обнадеживающими результатами. 2000 г. закончился с ростом ВВП на 7%, промышленное производство за год увеличилось на 11%. Инвестиции, хотя и обнаруживают хроническую для России «голландскую» болезнь сырьевой ориентации, возросли на 17%. Рекордного уровня достигли валютные запасы страны, составив к концу 2000 г. 28,3 млрд долл.

Эти в целом благоприятные индикаторы недостаточны для получивших распространение выводов о переходе экономики страны из состояния кризисного спада в режим стабилизации, который в ближайшей перспективе обеспечивает основу для экономического роста. Для таких выводов необходимы как минимум два условия: первое – индикаторы стабилизации должны отражать позитивные сдвиги по всем наиболее существенным параметрам развития экономики; второе – в основе данных позитивных сдвигов должны обнаруживаться качественно обновленные и новые факторы и механизмы, отсутствие которых явилось первопричиной экономического спада.

Положение, сложившееся к настоящему времени в экономике страны, явно не отвечает этим условиям. Во-первых, кроме в целом благоприятных объемных показателей макроэкономического роста, нет заметных сдвигов в качественных характеристиках функционирования макроэкономической системы: производительности труда, капиталотдачи, металло- и энергоемкости производства и т.п. Прежде всего это касается показателей благосостояния населения. При всех усилиях Правительства РФ и многообразии мер социального характера в целом показатели жизненного уровня населения не только не возрастают, но и продолжают снижаться. Негативный разрыв между темпами инфляции и ростом номинальных денежных доходов хотя и сократился в 2000 г., но по-прежнему имел место. По нашим расчетам, он составил примерно 5–7%, что свидетельствует о снижении реальных доходов населения, продолжающемся процессе углубления имущественной дифференциации в обществе.

Высокий уровень длительной безработицы (по оценке, не менее 18%) скрывает в себе существенный дестабилизирующий эффект гистерезиса.

Серьезные проблемы, возникшие в энерго-снабжении страны, когда до 50% ее производственных мощностей находятся в бездействии, обнаруживают еще одно существенное препятствие на пути экономического роста.

Многообразные показатели (энергетические, научно-технические, продовольственные, сырьевые, инфраструктурные) необеспеченности экономического роста – многолетние проявления аккумулирующейся диспропорциональности – не устранены, не санированы кризисными процессами. Напротив, многие из них обострились еще сильнее.

Во-вторых, нет оснований утверждать, что появившиеся, с трудом утверждающиеся и развивающиеся элементы рыночной экономики получили, наконец, возможность для нормального функционирования; что удалось найти и отработать экономические механизмы, адекватные сложившейся ситуации, а часто и осмыслить, и сформулировать представления о них и об их институциональном обеспечении. Об этом свидетельствует и тот факт, что за последнее десятилетие только официально в стране утверждено около 30 макроэкономических программ, но ни одна из них не реализована практически [1, с. 45]. Главное, что делает эти программы бесперспективными, – это не «происки» политических противников и «заграниць», а отсутствие применимых к особенностям постсоциалистической экономики механизмов реализации и их институционального обеспечения. Именно упрощенные, ретранслированные представления о существовании экономических механизмов транзитивного общества и об особенностях их функционирования в условиях России являются основной причиной неудач в области экономического реформирования, не позволяющих не только снять, но хотя бы осмыслить факторы подавления позитивных рыночных процессов. В борьбе с этими факторами обновления отечественный рынок приобретает специфический, пугающий облик.

В моей статье «О концептуальных основах реформирования экономики переходного периода» обосновывается положение о том, что страна находится в своеобразной депрессивно-кризисной ловушке, выхода из которой не найти в известных моделях макроэкономической стабилизации и роста [4, с. 73–76]. В этом плане

совершенно справедливы утверждения Дж. Стиглица о том, что традиционная экономическая теория еще менее способна объяснить динамику перехода, чем состояние равновесия [2, с. 22]. Но и неoinституционалистские построения, верные, на наш взгляд, в принципе, слишком общи, неопределенны и, в конечном счете, в наших условиях, просто используются для произвольных манипуляций поиска неких «третьих», «четвертых» и прочих путей, на которых монополизировано некое право на произвольно сформулированную национальную идею.

Верные постинституционалистские идеи, приходящие к нам из-за кордона, в своем общем, принципиальном виде останавливаются перед непонятным евро-азиатским феноменом. Представители же отечественной экономики приспособляют неоклассические или неокейнсианские теории к своим узкопрагматическим интересам, а то и к политическим «взломам».

Именно поэтому самые изощренные теоретические обоснования и механизмы в нашей экономической практике неизменно оборачиваются скоротечными, публичными, всенародными поборами населения. Именно в таком духе прошли у нас в принципе необходимые процессы либерализации экономики, приватизации собственности и последующие за ними дефолты и т.п.

Одним из кардинальных, обобщающих выводов современной экономической теории является положение о том, что в традиционных моделях макроэкономической динамики недооценивается, а часто и просто игнорируется роль корпоративных, организационных, социальных, психологических, инфраструктурных факторов, т.е. именно тех условий, которые слабо поддаются или вообще не поддаются квантификации [1, с. 4]. Отметим при этом, что в несравнимой по практической значимости кейнсианской макроэкономической модели гениально преодолена грань между четко количественно выраженными экономическими индикаторами и социально-психологическими факторами, на первый взгляд, плохо поддающимися количественному выражению.

Связи между сущностными явлениями в экономике в принципе определены, но появляются и начинают играть роль определяющих факторов новые явления, а следовательно, возникают новые связи, изменяются механизмы экономических взаимодействий.

Среди множества свойств, качественно определяющих механизмы функционирования постсоциалистической экономики, важнейшим,

несомненно, является ее уникальный, всепроникающий и всеохватывающий монополизм. И, как это ни парадоксально, именно эта черта постсоциалистической экономики оказывается менее всего учитываемой, осмысленной и изученной в разрабатываемых программах и макроэкономических моделях.

Конечно, в серьезных макроэкономических программах существуют разделы, посвященные антимонопольному регулированию. В России, как и в других экономически развитых странах, имеются специальные органы, ведающие вопросами антимонопольной политики. Но фактор монополизма и в теоретических построениях, и в практическом плане воспринимается не как центральная, определяющая черта постсоциалистической экономики, а как некая деформация, находящаяся на периферии макроэкономического процесса, механизмы функционирования которой давно определены. Экономическая практика, несомненно, систематически обнаруживает явную недостаточность, неадекватность, беспомощность и устарелость сложившихся представлений о постсоциалистическом монополизме. А это определяет и близкую к нулю эффективность функционирования соответствующих управленческих структур. Данное положение институционально закрепляется, корпускулируется под покровом ведомственных догматов и установлений, обретает своих адептов в недрах тех органов, которые призваны ограничивать монополистические тенденции.

К настоящему времени с достаточной определенностью выявились основные черты, свойственные монополизму в переходном постсоциалистическом обществе.

Во-первых, монополизм пронизывает все сферы экономики постсоциалистического общества и все общество в целом.

Во-вторых, процессы либерализации экономики и приватизации собственности лишь внешне деформировали монополистические структуры, не только не ослабив, а, напротив, усилив, изменив механизмы монополистического господства.

В-третьих, в условиях институционально не обеспеченной постсоциалистической реформации экономики получили быстрое развитие специфические формы монополизма, которые не имеют почвы для распространения в странах с развитой рыночной экономикой и соответствующими формами ее государственного регулирования. Специфика и относительная новизна этих форм обуславливают их свободу от принимаемых по ограничению монополизма мер,

кстати, достаточно традиционных.

В-четвертых, не встречая адекватных институциональных ограничений, постсоциалистический монополизм деформирует, обращает в негатив любые преобразования по либерализации экономических процессов.

В-пятых, постсоциалистический монополизм пытается, и не без успеха, формировать в обществе иллюзорные представления о благотворности включения монопольных структур в процессы оздоровления экономики, ее стабилизации и роста.

Отличительным свойством монополизма во всех его видах является возможность управляющего воздействия на параметры рыночного механизма. При этом монополист обеспечивает максимизацию собственной прибыли (минимизацию убытков) в положении, существенно отклоняющемся от оптимума в использовании экономических ресурсов [3, с. 96–105]. И хотя в некоторой мере это снижение экономического результата компенсируется за счет возрастания научно-технических возможностей функционирования монопольно сконцентрированных ресурсов, в конечном счете монополизм сдерживает развитие экономической системы. Именно поэтому успешное развитие современной экономики немислимо без действенного механизма антимонопольного регулирования.

Деятельность государственных органов антимонопольного регулирования не отвечает ни масштабу, ни месту, ни характеру задач, которые по сути определяют проблемой монополизма в трансформационной экономике страны. Первопричины такого результата заключаются не в органах управления, а в уровне осмысления принципиальных задач, встающих перед экономикой в процессе постсоциалистических преобразований.

Все многообразие форм монополизма, получивших едва ли не предельные значения возможного распространения, по источникам сверхдоходов и механизмам функционирования может быть классифицировано в следующей форме, а именно, это монополизм:

- 1 функциональный;
- 1 естественный;
- 1 инфраструктурный;
- 1 вертикальный;
- 1 институциональный;
- 1 сателлитский;
- 1 мафиозно-теневой;
- 1 экзогенный.

Эти сцементировавшиеся, взаимодействующие виды монополизма деформируют, искажа-

ют, часто приводят к обратному результату принципиально верные, но принятые вне учета данного важнейшего обстоятельства меры по реформированию экономики [4, с. 75]. Каждый из приведенных видов монополизма имеет свои особенности и механизмы функционирования в условиях постсоциалистического общества. В рамках данной статьи приведем лишь некоторые уточнения трактовки функционального монополизма, который принято считать изученным, оставляя характеристики новых или слабо исследованных форм (вертикальный, институциональный, сателлитский, экзогенный, теневой) для специального рассмотрения.

Функциональный монополизм в постсоциалистической экономике сформирован не только на основе реализации эффектов масштабов производства, но и обусловлен специфическими факторами экономического администрирования: стратегическими, политическими и т.д. И в том, и в другом случаях процессы либерализации, освободив монопольные предприятия от опеки сверху, автоматически вывели их в положение чистых монополистов. Однако существовавшие ранее чрезвычайно длинные и сложные цепочки технико-экономических связей между этими предприятиями, которые регулировались административно, оказались необеспеченными ни надлежащим рыночными механизмами, ни сколько-нибудь развитой рыночной инфраструктурой. Положение в этой цепи существенно усугубилось почти полной потерей конечного потребителя, каким в плановом хозяйстве чаще всего выступало государство. Таким образом, монопольные колоссы оказались в состоянии, близком к коллапсу. Но тем не менее рынок соответствующих товаров остается монопольным, и любые денежные вливания в эти предприятия, к которым взывает директорский корпус, неизменно поглощаются инфляцией.

Сформировалось парадоксальное положение: возникла «лежачая» монополия, обуславливающая и подпитывающая инфляцию издержек.

Приватизация данных предприятий ситуацию существенно не изменила. Будучи акционированы на правах частных или смешанных государственно-частных корпораций, в основной своей части эти предприятия остались очень слабо ориентированы на требования реальных рыночных механизмов. В результате фактически сложившихся процессов подавляющая часть приватизированного имущества, а вместе с этим государственные и контрольные пакеты акций оказались в безраздельном распоряжении дирек-

торов предприятий, президентов АО, действующих часто в связке с государственным чиновничеством.

Демократизация экономики на деле обернулась ее директоризацией. Это не результат некоего первоначально заданного умысла, а закономерное следствие управленческой некомпетентности, институциональной необеспеченности весьма сложных, но топорно проведенных процессов приватизации.

В этой ситуации на базе «лежачего» монополизма сформировались механизмы теневой, полутеневой и серой экономики, которые с нарушением, а чаще всего без явного нарушения законодательства, используя его многочисленные «ниши» и обходные маневры, образуют некий послекатастрофический экономический ландшафт с «айсбергами» – промышленными гигантами, работающими на грани банкротства. Действующие в тени заметно «усохших» гигантов многочисленные сателлитские образования «законно» выкачивают деньги, присваивают положительный эффект акционирования этих предприятий. Методы этого обездвиживания предприятий хорошо известны и описаны в экономической литературе, но существенные механизмы управленческого перерождения совершенно не представлены в качестве объекта научных исследований. Некоторые его моменты намечены в наших работах «Собственность и власть» и «Социально-экономические интересы и принципиальные основы управления в социальных системах» [5; 6].

На практике действуют достаточно отлаженные механизмы дуализации функций подпавших под монопольное воздействие предприятий. Это и спекулятивные сделки с их имуществом, и акты «выгодного» банкротства, и купля-продажа предприятий с дележом маржи, и присвоение государственных кредитов, а также такие «мелочи», как непостижимые по условиям кризисного состояния экономики оклады и льготы управленческой элиты этих предприятий, составляющие предмет строгой коммерческой тайны, а на деле – секрет Полишинеля.

Процессы реальной демократизации экономики в данной ее части не должны исчерпываться только актами ее «лоскутной» реструктуризации и разукрупнения предприятий. Центральным звеном демонополизации должно стать формирование управленческих механизмов, мотивационно защищенных от процессов тупиковой, локальной ориентации, замкнутой на локальные интересы, принципиально отдифференцированные от реальных проблем эконо-

мического развития. Попытки формирования контуров таких управленческих механизмов имели место в Алтайском крае. Можно отметить опыт ФПП «Сибгагрош» [7]. Но существенные принципы, закономерности их функционирования еще ждут серьезных исследований. Самое трудное в данной проблеме то, что она не осмыслена в полной мере, и, следовательно, должным образом не поставлена.

Часть мелких и средних производственных предприятий, которая могла бы составить надежную базу для стабилизации экономики, оказывается под давлением других форм монополизма, получивших значительное распространение. Прежде всего, они подпадают под влияние инфраструктурного монополизма. В западной экономической литературе этот вид монополизма принято относить к естественному монополизму [4]. Но поскольку и в экономической практике, и в теоретических работах у нас под естественным монополизмом принято понимать обладание правами распоряжения на ограниченные природные ресурсы (недра, энергетические ресурсы и т.д.), то более целесообразно рассматривать эти виды монополизма отдельно. Эта целесообразность обусловлена не только чисто ситуационным объяснением, главное состоит в том, что данные виды монополизма имеют различную природу и существенную специфику.

Инфраструктурный, или сетевой, монополизм связан с распоряжением объектами производственного, бытового или рыночного обслуживания. Его формирование объективно обусловлено технико-экономическими особенностями функционирования инфраструктурных объектов. Именно в этих сферах особое значение приобретает рост концентрации или масштабов производства и реализации услуг. К таким сферам относятся тепло-, энерго- и водоснабжение, кабельное телевидение, железнодорожный транспорт и т.п. Услуги перечисленных сфер являются результатом функционирования специальных коммуникационных сетей, создание которых требует изначально достаточно крупных капитальных вложений. Особенностью функционирования данных сфер является нарушение принципа выпуклости экономического пространства, или закона убывающей отдачи. С укрупнением предприятий этих сфер их экономическая эффективность повышается, так как они практически скоротечно монополизуются распорядителями наиболее крупных участков соответствующей сети. Таким образом, требования эффективности объективно обуслов-

ливают монополизацию этих сфер. С другой стороны, сетевая монополия, как и любая монополия, в своем генезисе включает совершенно определенные экономические негативные последствия. Для инфраструктурных монополий положение осложняется в связи с тем, что цены на их услуги непосредственно связаны с жизненным уровнем населения. Это обуславливает необходимость систематического, гибкого и квалифицированного регулирования деятельности инфраструктурных монополий. Принципы этого регулирования в целом известны, хотя и не реализуются системно. Деятельность этих сфер должна обеспечивать, во-первых, гарантированный, сугубо дотационный уровень обслуживания всех слоев населения; во-вторых, умеренно дотированный уровень обслуживания с учетом научно обоснованных норм потребления; в-третьих, коммерческое обслуживание населения по регулируемым рыночным ценам.

В составе рассматриваемого вида монополизма особое место занимают объекты рыночной инфраструктуры. Явная, неявная криминальные формы монополизма этих объектов явились прямым следствием недопонимания на первых этапах реформирования экономики значения инфраструктурного обеспечения рыночных процессов. Инфраструктурные объекты (оптово-розничные базы, складские хозяйства, заготовительно-дорабатывающие предприятия,

торговый транспорт и т.п.), являясь органическим элементом рыночной системы, с начала процессов либерализации экономики сконцентрировались под контролем организованных групп и отдельных лиц, близких к торговле субъектов и чиновничества, а часто и явно теневых элементов. Давление этого вида монопольных структур сказывается главным образом на мелких и средних разобщенных производителях товаров, особенно сельскохозяйственного происхождения.

Данный вид монополии совершенно не подпадает под канонические, зафиксированные в ведомственных инструкциях ограничения. Он локализован, давно разделен на сферы влияния и в то же время организован и выступает как посреднический буфер, деформируя в первую очередь самый массовый продовольственный рынок. Как показывает отечественный и зарубежный опыт, меры антимонопольного регулирования должны носить систематический характер, быть комплексными, т.е. включать в свой состав как экономические, так и правовые, силовые элементы. Приоритет в их составе всегда следует отдать мерам организационно-экономического плана и в первую очередь созданию предприятий рыночной инфраструктуры, работающих по нормативам, регулируемым региональными и муниципальными органами власти.

Литература

1. Сегвари И. Семь расхожих тезисов о китайских реформах: верны ли они // Вопросы экономики. 1999. №9.
2. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. 1999. №1.
3. Макконнелл К., Брю С. Экономикс. М., 1992. Т. 2.
4. Губарь А.И. О концептуальных основах реформирования экономики переходного общества // Известия АГУ. 2000. №2.
5. Губарь А.И. Социально-экономические интересы и принципиальные основы управления в социальных системах // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. Барнаул, 1993.
6. Губарь А.И. Собственность и власть. Барнаул, 1993.
7. Финансово-промышленные группы: система управления / В.В. Титов, В.К. Толстов. Новосибирск, 1998.